

Послѣ войны—изъ арміи въ нѣдра Читинской революціи.

(Это было въ самомъ началѣ 1906 года).

 въ началѣ декабря 1905 года, находясь въ арміи на зимнихъ квартирахъ и живя въ небольшой китайской деревушкѣ близъ станціи Яомынь при условіяхъ самой мирной обстановки, я узналъ о своемъ назначеніи въ Читу. Нерадостно было для меня это назначеніе: я зналъ, что ѣду на такую должность, сидя на которой придется окунуться въ чернильное море и зарыться въ разныя входящія и исходящія, въ большинствѣ случаевъ не имѣющія ровно никакого значенія для того дѣла, которому служишь и мараемыя только для того, чтобы отбыть какой-то неизвѣстно кѣмъ и для какой цѣли установленный номеръ. Жаль было покидать и ту среду милыхъ и симпатичныхъ людей, съ которыми такъ тихо жилось среди убогой обстановки бѣдной китайской фанзы; жаль было нашихъ общихъ ежедневныхъ обѣдовъ и ужиновъ, во время которыхъ мы хлебали неизмѣнныя солдатскія щи, ѣли кашу и вели постоянно оживленныя бесѣды на разныя животрепещущія темы, которыя въ то время были столь многочисленны. Иной разъ для услажденія нашего слуха и для развитія въ насъ эстетическаго вкуса приносился въ фанзу чей-то граммофонъ, съ безконечнымъ количествомъ пластинокъ; заводилъ всегда эту хитроумную машину одинъ серьезнаго вида капитанъ, которому почему-то очень нравилась самая процедура пусканія въ ходъ этого перла созданія американскаго изобрѣтателя. Капитанъ всегда былъ серьезень, и его лицо не мѣ-

няло суроваго выраженія даже и тогда, когда г. Вяльцева веселила насъ неподражаемымъ тембромъ своего голоса. Серьезный капитанъ тогда только кричалъ и вздыхалъ.

Слухи о разныхъ забастовкахъ, прокламаціяхъ, марсельезахъ, красныхъ тряпкахъ и прочихъ благоглупостяхъ конечно достигали и до насъ, и каждый день кто-нибудь изъ нашей компаніи передавалъ какой-нибудь слухъ, который исходилъ „изъ вѣрнаго источника“, о томъ или иномъ родѣ насилія, которое позволили себѣ эти „передовые люди“: то слышно было объ арестѣ на дорогѣ какого-то генерала, то—объ убійствѣ полковника, всѣмъ намъ извѣстнаго, который послѣ войны получилъ отпускъ и, вотъ, ѣдучи къ своимъ роднымъ послѣ двухлѣтней разлуки, былъ убитъ какимъ-то „товарищемъ“ на одной изъ станцій ж. д.; а за что—про это конечно никто не зналъ.

Все это возмущало и нервировало нашу небольшую компанію, но оставалось только извергать хулу по адресу „товарищей“ и бессильно потрясать кулаками въ воздухъ, что мы и дѣлали.

Про Читы рассказывали нѣчто невозможное: говорили, что тамъ полная анархія, что губернаторъ и командующій войсками въ этомъ городѣ будто бы находится всецѣло въ рукахъ революціонеровъ, посѣщаетъ ихъ митинги и будто-бы сочувствуетъ образу дѣйствій „просвѣщенныхъ товарищей“, которые сумѣли склонить и гарнизонъ этого города на свою сторону и, какъ доказательство этого, показывали даже пресловутое „постановленіе солдатъ читинскаго гарнизона“, написанное, очевидно, все тѣми же милыми и добрыми „товарищами“. Читая и слыша все это, каждый изъ насъ мысленно проклиналъ этихъ людей, но отъ этого они конечно ничего не теряли. Говорили, что въ Читѣ „всякъ мужескій полъ“ представляетъ изъ себя революціонную банду, и что даже такія „милыя созданія“, какъ невинныя читинскія гимназистки—эти „голубицы“ по кротости и чистотѣ—и тѣ объявили кому-то бойкотъ и, вооружившись браунингами, разгуливаютъ по городскимъ площадямъ и улицамъ съ красными флагами, орутъ марсельезу и, поддерживаемыя юношами еврейскаго происхожденія, облеченными въ гимназическую форму, чинятъ публично всякія безчинства и безобразія. Словомъ, горизонтъ со стороны Читы былъ очень мраченъ, и провожавшіе меня на станцію Яомынь сожители не поздравляли меня съ новымъ назначеніемъ и говорили, что лучше уже сидѣть тутъ въ маньчжурскихъ трущобахъ, чѣмъ ѣхать въ это становище „тушинцевъ“, какъ они называли всѣхъ революціонеровъ и забастовщиковъ. Но что было дѣлать—приходилось исполнять волю начальства.

Глухой и темной ночью 10 декабря 1905 года, помню, я покинул Яомынь, а слѣдовательно и армию и простился съ жизнью, полною боевых лишеній, оставившихъ на душѣ какой-то грустный и неизлѣчимо болѣзненный осадокъ. Неудачная кампанія, всѣ эти злополучныя отступленія и пораженія закончились такимъ грустнымъ аккордомъ, какъ мукденскій погромъ, и кто же изъ участниковъ этой несчастной войны въ состояніи забыть всѣ эти потрясенія, у кого изъ нихъ въ теченіе остатка дней земной суетоки заглухнетъ этотъ грустный и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающій аккордъ, который всѣ они слышали въ злополучный день 25 февраля 1905 года на окрестныхъ съ Мукденомъ поляхъ. Ни у кого, ни у кого онъ не заглухнетъ, и я увѣренъ въ томъ, что когда придется, безъ сожалѣнія и безъ слезъ, разстаться съ этимъ міромъ, переполненнымъ тоской и воздыханіемъ, то и тогда вспомню день 25 февраля.

А теперь поѣздъ, лязгая желѣзомъ, уноситъ меня среди непроницаемаго ночного мрака на сѣверъ отъ этихъ манчжурскихъ гаоляновыхъ полей, отъ этихъ фанзъ, но уноситъ на поля своей родины, раненой, несчастной и облитой уже кровью, пущенной рукой дьявола, окончательно смутившаго сердца русскихъ людей и заставившаго ихъ позабыть и про Бога, и про святыя завѣты доблестныхъ предковъ и втоптать въ грязь все то, что когда-то было чтимо, какъ святыня.

Въ вагонѣ было такъ тѣсно, что не было рѣшительно ни пяди свободнаго мѣста: множество офицеровъ и солдатъ положительно заполнили собою не только всѣ купе, но даже корридоръ и наружныя площадки: освѣщеніе было очень тусклое, а воздухъ былъ насыщенъ табачнымъ дымомъ, благодаря которому вся эта огромная и сбившаяся въ кучу толпа превратилась въ сплошную массу силуэтовъ, теряющихся въ тускломъ полумракѣ. Единственная свѣтлая мысль, которая меня ободряла и оживляла, была о свиданіи съ братомъ, который стоялъ со своей батареей гдѣ-то значительно въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, но гдѣ именно—про это я, какъ ни старался узнать—не могъ добиться опредѣленныхъ свѣдѣній, а потому и рѣшилъ дѣйствовать на удачу. На какомъ-то полуставкѣ, съ невѣроятными усиліями протолкавшись черезъ наполнявшую вагонъ массу изъ человѣческихъ существъ и неся въ рукахъ свои вещи, состоящія изъ небольшого чемодана и корзины, я спрыгнулъ съ подножки вагона и очутился среди какой-то пустыни, окутанной ночнымъ мракомъ. Съ покрытаго темными тучами неба сыпалась промозглая мокрота—нѣчто среднее между дождемъ и снѣгомъ; немного въ сторонѣ тускло коптѣлъ фонарь; мимо пробѣжали

двѣ какихъ-то темныхъ, закутанныхъ въ шубы, фигуры, и я стоялъ одинъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать и куда идти. Первое, что я началъ дѣлать—это неистово орать фамилію своего денщика: Петровъ! Петровъ! вопилъ я что есть мочи, но въ отвѣтъ на эти вопли заревѣлъ паровозъ, и поѣздъ, совершенно равнодушный къ моему безпомощному положенію, тяжело тронулся впередъ, громяхая своей могучей громадой по рельсамъ. Нѣсколько могучихъ вздоховъ гиганта-паровоза, и поѣздъ, какъ-бы насмѣхаясь надъ моимъ трагикомичнымъ положеніемъ, началъ ускорять ходъ и вскорѣ покинулъ это „веселенькое мѣстечко“. Мой Петровъ, не предупрежденный мною о мѣстѣ нашей выгрузки, очевидно, былъ погруженъ въ сладкую дремоту, какъ человѣкъ, влившій въ себя на проводахъ нѣсколько стаканчиковъ живительной влаги, до которой, кстати сказать, онъ былъ большой охотникъ, а потому, натурально, онъ и не слышалъ моихъ отчаянныхъ воплей. Пославъ ему въ слѣдъ надлежащія пожеланія, я сталъ осматриваться и думать—гдѣ мнѣ найти брата съ его батареей среди этого пустыря. Ругая себя бессмысленнымъ осломъ за то, что не могъ на мѣстѣ толкомъ павести нужныя мнѣ справки, я стоялъ со своими вещами среди ровной и мрачной манчжурской пустыни. Наконецъ глазъ мой различилъ среди ночного мрака силуэтъ какой-то постройки шагахъ въ 100 отъ дороги, и такъ какъ въ окошечкѣ этой постройки мерцалъ слабый свѣтъ, то я и заключилъ, что домъ сей обитаемъ кѣмъ-то. Взявъ вещи, спотыкаясь и падая въ какіе-то ямы и сугробы, я пошелъ на огонекъ въ надеждѣ встрѣтить добрыхъ людей, которые конечно ориентируютъ меня во-первыхъ среди этой пустыни, а во вторыхъ и помогутъ мнѣ выйти изъ этого не очень пріятнаго положенія. Послѣ долгихъ усилій и борьбы съ разными препятствіями, я достигъ наконецъ до постройки, которая оказалась небольшимъ сколоченнымъ изъ досокъ бараккомъ, и, открывъ дверь, очутился въ жарко натопленной желѣзной печью комнатѣ, въ которой, сидя на табуреткѣ, сладко дремалъ солдатъ, одѣтый въ свою неуклюжую шинель. Въ другой комнатѣ помѣщался молодой человѣкъ, очевидно служащій на желѣзной дорогѣ, и что-то писалъ на грязномъ столѣ, освѣщенномъ небольшою лампочкой. Разбудивъ солдата, я началъ спрашивать о мѣстѣ своего нахождения, но онъ пялилъ на меня свои заспаные глаза и никакъ не могъ понять, о чемъ я его спрашиваю. Тогда на помощь мнѣ пришелъ чиновникъ, и отъ него я узналъ, что нахожусь уже въ такомъ районѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ войскъ, а слѣдовательно и поиски мои той батареи, въ которую я хотѣлъ во что бы то ни стало поѣхать, въ этомъ пустырьѣ ни къ чему не привели бы. Единственное, что оставалось дѣлать—

и что посовѣтывалъ мнѣ любезный чиновникъ—это возвращаться назадъ до ст. Талайчжоу, на которую кстати въ скоромъ времени отходилъ товарный поѣздъ съ теплушкой и тамъ уже навести нужныя мнѣ справки. Такъ я и сдѣлалъ. Заспанный солдатъ отнесъ мои вещи въ теплушку, и я водворился близъ чьихъ-то ногъ, принадлежащихъ неизвѣстному мнѣ человѣку, голова котораго, утопая во мракѣ угла вагона, была занята воспроизведеніемъ разныхъ руладъ и трелей, издаваемыхъ при помощи присущаго каждому человѣку инструмента, называемаго носомъ, тогда, когда человѣкъ погружается въ міръ грезъ и фантазій. Печка грѣла невыносимо, грязь была классическая, и я, сидя на своемъ чемоданѣ, какъ на развалинахъ Карфагена, ждалъ той счастливой минуты, когда тронется поѣздъ и повлечетъ насъ обратно на югъ. Наконецъ кто-то невидимый и могучій заревѣлъ среди ночной темноты, вагонъ нашъ, влекомый ужасной силой этого горластаго богатыря, заскрипѣлъ и закрихтѣлъ, какъ бы негодуя за то, что нарушили его покой, и нехотя покатилъ по рельсамъ, вздрагивая на стыкахъ и жалобно повизгивая своими желѣзными частями. Мы покатали. Ноги выдѣлывавшаго замысловатая рулады человѣка вдругъ возымѣли желаніе выпрямиться, благодаря чему я ощутилъ изрядный толчекъ въ спину, послѣ чего и рѣшилъ пересѣсть подальше отъ столь пріятнаго сосѣдства.

Такъ въ обществѣ этой пары временами вздрагивающихъ ногъ я и доѣхалъ до Талайчжоу, а тамъ при помощи телефона узналъ о томъ мѣстѣ, куда нужно было ѣхать, и уже поздно ночью прибылъ въ небольшую китайскую деревушку, въ которой стояла батарея брата.

Здѣсь въ милой и симпатичной средѣ артиллеристовъ пришлось пробыть нѣсколько дней, и съ удовольствіемъ вспоминаю это время. Здѣсь также скучали, какъ и вездѣ тогда въ арміи:—тѣ же, знакомыя уже мнѣ условія жизни въ китайскихъ фанзахъ, какъ и у насъ около Яомыня; тоже ничегонедѣланіе и ожиданія обѣда, ужина, чая, которыя и составляли единственное развлеченіе въ теченіе каждаго дня. Компанію оживляли иногда ветеринарный врачъ, хорошо пѣвшій цыганскіе романсы и аккомпанирующій себѣ на гитарѣ да молодой и симпатичный докторъ, завѣдывавшій офицерскимъ столомъ и выказавшій недюжинныя кулинарныя способности, иногда веселившій скучающую публику анекдотами, которые онъ недурно рассказывалъ, чѣмъ и подзадоривалъ своего конкурента въ этой спеціальности—молодого и красиваго поручика заставляя его прекрасно рассказать нѣсколько смѣшныхъ анекдотовъ. Оживленіе, вносимое этими веселыми людьми, бывало обыкновенно не очень продолжи-

тельнымъ, и послѣ него снова погружались въ мрачное молчаніе, и каждый, казалось, переваривалъ свою тяжелую думу и переживалъ общее наше военное горе, вызванное позоромъ неудачной войны. Офицеры, уже достаточно долго послужившіе, негодовали по поводу несвоевременнаго заключенія мира. „Сосредоточили огромную армію“, говорили они: „приготовились къ бою на жизнь и на смерть и все же, имѣя въ рукахъ козыри, сказали: „пасъ“, какъ бы желая угодить высокопоставленному партнеру и не желая допустить его, ради особой какой-то любезности, до проигрыша. Нѣкоторые говорили, что изъ дальнѣйшаго продолженія войны равнымъ счетомъ ничего хорошаго не вышло бы: снова начались бы эти несносныя отступленія, путаница, а тутъ еще и гаолянъ выросъ выше всадника, благодаря чему могла легко произойти и паника; не даромъ же на Сыпингайскихъ позиціяхъ мы все больше оглядывались назадъ, уготовляя себѣ скатертью дорожку для движенія на сѣверъ. Словомъ, на эти темы велись тѣ же разговоры, которые впоследствии почти цѣликомъ прошли на страницахъ нашей прессы, и сказать о томъ, правы или неправы были въ своихъ сужденіяхъ эти почтенные люди, конечно трудно, но все же радовалось сердце, когда приходилось выслушивать убѣжденные рѣчи противниковъ всякихъ отступленій и нерѣшительности и видѣть, что эти люди не забавляются только напраснымъ словоизверженіемъ, а что они и говорятъ отъ души, какъ убѣжденные фанатики своего дѣла, за которое готовы положить душу; отраднo было сознавать, что въ военной средѣ есть еще не мало такихъ убѣжденныхъ людей, столь цѣнныхъ для арміи.

Особенно симпатиченъ былъ одинъ, уже посѣдѣлый полковникъ, съ лихо по-военному закрученными усами, который убѣжденнѣе всѣхъ говорилъ не только на чисто военныя стратегическія темы, но и о нашемъ общемъ современномъ распутствѣ, охватившемъ всю нашу Русь и проникшемъ въ народныя массы; онъ часто говорилъ о томъ, что теперь всѣ забыли и Бога и свои обязанности какъ передъ Нимъ, такъ и передъ родиной, словомъ—всю нашу современную жизнь онъ, съ убѣжденіемъ фанатика, клеймилъ какъ какое-то позорное существованіе, достойное людишекъ съ мелкими, продажными душонками; онъ почти со слезами на глазахъ вспоминалъ все великое наше историческое прошлое, вспоминалъ дѣянія нашихъ доблестныхъ предковъ, сумѣвшихъ сколотить Русь и воздвигнуть ее на высшую ступень политической жизни, и проводилъ параллель между тѣмъ, что было прежде и что стало теперь, когда начали увлекаться какими-то несбыточными мечтами о равенствѣ и свободѣ.

Вотъ и у насъ въ арміи эти новшества пошли, говорилъ полковникъ: какъ же моль, солдатикъ,—бѣдный солдатикъ, страдалецъ и страдотерпецъ,—сѣрая святая скотинка и прочія кислосладкія слова. И пошли этого „несчастливаго солдатика“ обнюхивать со всѣхъ сторонъ: бѣдный, тебѣ быть можетъ спать жестко, такъ мы тебѣ тюфячекъ постелемъ, и постлали ему тюфячекъ, да еще и простынку и одѣяльце дали: спи себѣ, милый солдатикъ, ты и дома, болѣзненный, довольно уже поспалъ на прокисломъ полушубкѣ, а теперь про это забудь; можетъ быть тебѣ и носовой платочекъ нуженъ, такъ нѣ, возьми, голубчикъ, сморкайся себѣ на здоровье. И вотъ эти мелочи конечно не способствовали въ пользу поддержанія спартанскаго духа среди солдатъ; они и въ самомъ дѣлѣ увѣровали въ то, что и безъ простыньки, и безъ платочка имъ никакъ не прожить, забывъ про то, что ихъ прадеды, „чудо богатыри“ Суворова, не знали этихъ нѣжностей и были закаленные спартапцы.

А наказанія! Вѣдь въ той чрезмѣрной гуманности, которая заложена въ основу этого вопроса, невольно приходится убѣдиться въ незнаніи нашего народа и взятаго изъ его же среды солдата. Унизительно, моль, для человѣческаго достоинства, если какому-нибудь балбесу, парню лѣнивому и нерадивому, высыпать штукъ 25 хорошихъ лозановъ. Это, моль, оскорбляетъ человѣка, это издѣвательство надъ его личностью и прочія кислосладкія причитанія теоретиковъ, никогда не видѣвшихъ мужика и не имѣвшихъ никакого общенія съ солдатомъ. Отчего, рѣшая вопросъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ арміи, ничего не спросили насъ, строевыхъ офицеровъ, уже десятки лѣтъ провозившихся съ солдатомъ и изучившихъ его во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, возмущался молодецъ полковникъ; я не врагъ Россіи, люблю ее и потому не покривилъ бы душою высказать правду, а вотъ не спросили, а только приказали, а какъ и чѣмъ мнѣ наказывать вотъ хотя бы во время военныхъ дѣйствій всѣхъ этихъ нерадивыхъ Петровыхъ и Сидоровыхъ, которыхъ у меня не мало въ батареѣ. Что же мнѣ ихъ подъ ранецъ ставить, такъ вѣдь теперь морозъ, подъ арестъ сажать—такъ вѣдь я знаю, что для нихъ это не наказаніе, а облегченіе, потому что они вмѣсто того, чтобы лошадей своихъ чистить—разлягутся на полу и будутъ дрыхать;—читать имъ душеспасительныя наставленія, — но это уже прямо даже и глупо — вѣдь въ самомъ дѣлѣ въ насъ, офицерахъ, какъ будто бы видятъ какихъ-то апостоловъ Павловъ, которые всѣ должны умѣть проникать своимъ огненнымъ словомъ въ самыя глубины души человѣческой, тогда какъ забываютъ, что всѣ мы самые заурядные люди, а что апостолы Павлы родятся быть можетъ одинъ разъ въ теченіе тысячелѣтій.

— Но какъ же... полковникъ, перебиваетъ какой-нибудь молодой поручикъ, видимо колеблющійся между современными взглядами и тѣмъ направленіемъ, которое было въ арміи до нихъ,—вѣдь, согласитесь же вы, что пороть человѣка не хорошо:—это значитъ унижать и свое достоинство—вообще бить беззащитное существо—это, знаете ли... Тутъ поручикъ старается подобрать по возможности болѣе вѣжливое выраженіе, но полковникъ его перебиваетъ.

— А вы, Петръ Петровичъ,—спрашиваетъ онъ—читали когда-нибудь Евангеліе?

— Да, конечно,—отвѣчаетъ нѣсколько смущенный этимъ вопросомъ поручикъ,—но почему вы объ этомъ...

— Нѣтъ, вы мнѣ отвѣчайте, я знаю, конечно, что вы прочитываете эту книгу, но я васъ спрашиваю—*читали ли* вы ее, т. е. такъ, какъ и надо читать, съ полнымъ вниманіемъ и вдумчивостью?

— Такъ не читаль,—сознается немного сконфуженный поручикъ.

— То-то вотъ и есть, да я думаю, вы и не прочитывали всю эту книгу, а такъ когда уже рѣшительно вамъ нечего дѣлать и когда вмѣсто какой-нибудь пустяшной книжонки, вамъ вдругъ на глаза попадалось Евангеліе, а подобный случай тоже очень рѣдокъ, потому что у васъ навѣрно и нѣтъ даже этой книги, такъ вы, говорю, скуки ради, проглотите налету нѣсколько стиховъ и, закрывъ книгу, скажете мысленно: какая скука,—лучше спать уже лягну, что не правду развѣ говорю?—спрашиваетъ полковникъ.

— Правду,—нехотя соглашается поручикъ,—но я все не понимаю, зачѣмъ вы все это говорите.

— А вотъ я вамъ прочитаю сейчасъ одинъ такой случай, описанный на страницахъ Евангелія, который бросаетъ яркій свѣтъ на затронутый нами вопросъ; и, взявъ со своего столика Священную книгу, съ которой онъ видимо никогда не разставался, полковникъ быстро нашель нужный ему стихъ и прочель:

„Приближалась пасха Іудейская и Іисусъ пришелъ въ Іерусалимъ.

И нашель, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сидѣли мѣновщики денегъ.

И связавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, такъ же и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпаль, и столы ихъ опрокинулъ.

И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли“.

— Слышали,—спросилъ полковникъ, окончивъ чтеніе,—и конечно скажете, что это грубое насиліе,—что фактъ этотъ не дол-

женъ быть приводимъ на страницахъ Евангелія:—вѣдь теперь по почину нашего великаго писателя (по правдѣ говоря, я не вижу правды въ этомъ названіи и думаю, что люди впоследствии поймутъ свое заблужденіе въ этомъ отношеніи) начали перекраивать эту святую книгу каждый по-своему—и какой только белиберды и вздора не говорятъ и не пишутъ, а главное все сводятъ къ отрицанію:—какъ только заговорятъ о какомъ-нибудь фактѣ, идущемъ въ разрѣзъ своего мышленія, такъ и увѣряютъ, что этого не было вовсе, что это вымыселъ, или досужая фантазія, но вѣдь, позвольте, фактъ этотъ свидѣтельствуется четырьмя Евангелистами, и всѣ они повѣствуютъ въ одномъ духѣ. Тотъ, кто это сдѣлалъ, надо полагать, имѣлъ право это сдѣлать. Попробуйте-ка вотъ хоть вы пойти, ну хотя скажемъ, на какой-нибудь Апраксіяскій рынокъ, или въ Охотный рядъ въ Москвѣ, гдѣ самымъ лучшимъ образомъ надуваютъ почтеннѣйшую публику и, придя домой, попробуйте вознегодовать на это надувательство и прибѣгнуть къ той же мѣрѣ, какъ это сказано въ Евангеліи. Что изъ этого будетъ? Да конечно то, что вамъ самымъ лучшимъ образомъ накостиляютъ бока возмущенные вашимъ самоуправствомъ торгаши и кулаки, а тамъ въ храмѣ ничего подобнаго не было, а слѣдовательно Тотъ, Кто это дѣлалъ, чувствовалъ въ себѣ сверхъ-человѣческую нравственную силу, которая и подавила собою мелкія стремленія жадныхъ до наживы людишекъ.

— Все это такъ,—соглашается поручикъ, но вотъ зачѣмъ этотъ бичъ, эти удары, опрокидыванія столовъ и прочія бурныя проявленія и зачѣмъ объ этомъ было помѣщать на страницахъ этой книги, которая проповѣдуетъ любовь и кротость.

— А зачѣмъ это здѣсь и помѣщено, чтобы дать людямъ понять о томъ, чтобы они не были чрезмѣрно сантиментальны тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать круто, чтобы помнили о томъ, что есть на землѣ *люди*, которымъ можно и должно говорить для того, чтобы ихъ убѣдить, но такихъ меньшинство,—большинство же человѣческихъ тварей обросли такой толстой шкурой, что ее только и можно прошибить веревочнымъ жгутомъ, для того, чтобы заставить ея обладателя поступать такъ, а не иначе. Вѣдь у насъ теперь такъ: какой-нибудь двуногій гадъ рѣжетъ, грабитъ, жжетъ, мутитъ слабыхъ духомъ простаковъ, а съ нимъ, съ этой тварью, стоящей въ нравственномъ отношеніи ниже всякаго животнаго, сантиментальничаютъ, считая этого уroda за несчастнаго, котораго нужно направить на истинный путь нравоученіями и нравственными воздѣйствіями. Отвратительную тварь, раскрывшую голову младенцу ради только того, что онъ попался ему на глаза, когда онъ „при-

шивалъ“ прочихъ жертвъ своей кровожадности, судятъ, допрашиваютъ, оберегаютъ отъ оскорбленій толпы и въ концѣ-концовъ сажаютъ на казенную квартиру и на казенные хлѣба и начинаютъ считать его „несчастненькимъ“. Прочитайте письма Дорошевича о Сахалинѣ, такъ увидите,—какіе тамъ были гады, съ которыми возились да няньчились.

Такъ частенько разглагольствовалъ полковникъ по поводу событій переживаемаго нами періода. И что касается до меня, то я любовался этой прямой и честной, солдатской душой и мысленно всегда повторялъ, что если бы въ арміи было бы побольше такихъ людей, представлявшихъ собою какъ бы остатокъ прежнихъ поколѣній, то и въ эту войну наша армія оказалась бы на той же высотѣ своей доблести, на которую она была возведена своими почившими уже вождями, мирно спящими послѣ исполненнаго ими честно и безъ кривляній солдатскаго долга.

Наконецъ, уже передъ Рождественскими праздниками, я принужденъ былъ покинуть эту милую компанію артиллеристовъ и ѣхать, напутствуемый самыми добрыми пожеланіями.

На станціи Талайчжоу пришлось просидѣть нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда. Небольшой вокзалъ былъ биткомъ набитъ офицерами. Тутъ были все сибирскіе стрѣлки, зимовавшіе по сосѣдству съ этой станціей и приходящіе сюда коротать время. Разговоры всюду велись на тему о „читинской республикѣ“ и о томъ, что творили теперь революціонеры. Передавали съ возмущеніемъ о томъ, что здѣсь въ арміи недавно принимали какихъ-то представителей революціоннаго комитета, и о томъ, что командующій третьей арміей подвергся бойкоту въ томъ отношеніи, что революціонеры объявили, что не повезутъ его по желѣзной дорогѣ за то, что онъ на одномъ изъ праздниковъ сказалъ солдатамъ рѣчь, стараясь поддержать въ нихъ воинскій духъ; возмущались также и тѣмъ, что командующій тыломъ долженъ былъ уѣхать изъ Харбина не по желѣзной дорогѣ, а на Гиринъ и оттуда на Владивостокъ, опять таки въ силу того же бойкота. И все это были не вздорные слухи, а сущая правда, и командующій третьей арміей принужденъ былъ дѣйствительно какъ бы пробиваться силой, имѣя въ своемъ поѣздѣ, на всякій случай, даже пулеметы,—такъ, по крайней мѣрѣ говорили объ этомъ уже въ Читѣ. Съ возмущеніемъ офицеры говорили о томъ, что революціонеры заморозили множество паровозовъ на жел. дорогѣ, благодаря чему движеніе воинскихъ поѣздовъ задерживается ужасно. И это русскіе люди!—возмущались офицеры, и съ ними еще церемонятся, принимаютъ ихъ тутъ же въ арміи, для которой они сдѣлали такъ много зла, бесѣдуютъ съ ними, завтраками ихъ угощаютъ

и въ концѣ-концовъ ровнымъ счетомъ никакихъ мѣръ не принимаютъ:—безчинствуйте, молъ, голубчики, а мы здѣсь посидимъ и подождемъ, а пока что—не угодно ли позавтракать.

— „А я слышалъ, господа“, вмѣшивается въ разговоръ пожилой капитанъ, съ Владиміромъ,—что хотятъ послать отсюда Ренненкампфа водворить порядокъ“.

— „Было бы не дурно“,—слышатся общія одобренія.

— „А я слышалъ“,—вмѣшивается въ разговоръ другой офицеръ, что на—дняхъ посылаютъ въ Читу одну изъ дивизій“.

— „Свѣжо преданіе, да вѣрится съ трудомъ“,—слышатся суровые голоса: мы теперь кажется потеряли въ себѣ всякую инициативу и предпочитаемъ нерѣшительность и бездѣйствіе всякой рѣшительности и быстротѣ, — не даромъ же со времени злополучнаго Мукдена и до самаго заключенія мира, мы простояли у Сыпингаевъ, Маймакаевъ и т. п. безъ всякаго порыва впередъ,—все больше назадъ оглядывались, да устраивали у себя въ тылу скатертью дорожку: что, молъ, если опять отступить придется. Нѣтъ, господа, отучили насъ отъ порыва впередъ, и теперь не такъ-то скоро мы раскачаемся.

Въ общемъ все это говорилось отъ души, и видно было, что эти люди дѣйствительно сбиты съ толку тѣмъ, что творилось на ихъ глазахъ.

Поздно ночью поѣздъ, снова перегруженный до предѣла разнымъ военнымъ людомъ, двинулся въ Харбинъ и часовъ въ 10 утра подходилъ къ декадентскому вакзалу. По обыкновенію здѣсь была толчея и давка. Къ военному элементу здѣсь примѣшались въ изрядномъ количествѣ женскія фигуры, въ необъятныхъ по величинѣ шляпахъ и со слоями бѣлилъ и румянъ на своихъ, по большей части еврейскаго тица, лицахъ. Вообще въ городѣ былъ огромный наплывъ женщинъ, которыя очень хорошо зарабатывали, выгягивая съ офицеровъ всѣ остатки отъ сбереженій, но борьба съ этимъ зломъ была, надо думать, бесполезной и всегда, кажется, въ тылу арміи во время всякой войны находятъ себѣ выгодный заработокъ разныя личности, между которыми женщинамъ легкаго поведенія должно быть отведено первое мѣсто. Но все же, если сравнивать турецкую войну на кавказскомъ театрѣ съ этой войной, то пальма первенства въ смыслѣ швырнія деньгами въ тылу арміи должна быть все же отдана этой войнѣ. Ни въ Александрополѣ, ни въ Тифлисѣ, помню, въ прошлую войну не было столь широкаго размаха, какъ было это въ Харбинѣ, гдѣ нерѣдко какой-нибудь юнецъ въ поручичьемъ чинѣ въ одинъ вечеръ ухитрялся спустать по 1.000 рублей, сбереженныхъ имъ на позиціи и ловко выужен-

ныхъ изъ его неглубокаго кармана представительницами „Веніамінова колѣна“, послѣ чего оципаннѣй поручикъ и возвращался въ свой полкъ съ повѣшеннымъ носомъ и съ пустотой въ карманѣ.

Въ Харбинѣ слухъ о движеніи въ Читѣ одной изъ стрѣлковыхъ дивизій дѣйствительно подтвердился и, будучи у командующаго тыломъ—симпатичнаго и боевого артиллерійскаго генерала, я уже отъ него узналъ, что на-дняхъ для этой цѣли пойдетъ пятая В.-Сиб. стр. дивизія, полки которой во время войны показали себя съ самой лучшей стороны.

— Лучше всего,—говорилъ мнѣ командующій тыломъ: обождите прибытія сюда перваго эшелона этой дивизіи и тогда съ нимъ и поѣдете, иначе рискуете застрять гдѣ-нибудь на дорогѣ при современныхъ беспорядкахъ и безобразіяхъ. Конечно, я воспользовался этимъ благимъ совѣтомъ, началъ ждать прибытія перваго эшелона и только въ ночь съ перваго на второе января 1906 года, дождавшись этого эшелона, я очутился въ вагонѣ среди дружной семьи офицеровъ перваго батальона 17-го В.-Сиб. стр. полка. Тутъ же ѣхалъ и командиръ этого полка—молодой, подвижной и энергичный полковникъ, украшенный георгіевскимъ крестомъ.—Дня черезъ 3—4 будемъ въ Читѣ, говорили между собою офицеры, когда поѣздъ покинулъ Харбинъ и понесся по скучнымъ манчжурскимъ равнинамъ, запорошеннымъ мелкимъ снѣгомъ и ничего, кромѣ тоски и печали не вызывающимъ въ душѣ. И дѣйствительно 3—4 дня намъ всѣмъ казались такимъ долгимъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго можно было смѣло доѣхать не только до Читы, но даже и до Иркутска; но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, говорить пословица, и въ данномъ случаѣ пришлось убѣдиться, что эта пословица создавалась на основаніи вѣрныхъ наблюденій надъ жизнію, производимыхъ тысячелѣтнею народною мудростью. вмѣсто предполагаемыхъ 3—4 дней намъ пришлось ѣхать въ теченіе почти 20-ти дней; на нѣкоторыхъ станціяхъ мы стояли по нѣсколько дней, задержанные распоряженіями, исходящими изъ поѣзда генерала Ренценкампа, который шелъ значительно позади нашего эшелона. Во многихъ мѣстахъ были произведены аресты разныхъ интеллигентовъ, занимавшихся распространеніемъ смуты среди желѣзнодорожныхъ служащихъ; между этими интеллигентами попадались и израильтяне, и одинъ изъ нихъ, будучи приведенъ въ вагонъ, со страхомъ спрашивалъ—скоро ли его повѣсятъ.

Помню одинъ довольно комичный случай: на одной изъ станцій, во время продолжительной остановки, докладываютъ командиру полка о томъ, что какой-то субъектъ говоритъ солдатамъ разный вздоръ.

Пошелъ командиръ полка и видитъ, что среди толпы солдатъ стоитъ какой-то парень, съ глуповатымъ лицомъ, похожимъ на круглую сковороду.

— Ваше Высокоблагородіе,—говорятъ солдаты:—дозвольте арестовать человѣка N, онъ тутъ такое непутѣвое говоритъ, что слушать срамно.

— Ты кто такой? обращается командиръ полка къ парню.

— Я сицилисть—отвѣчаетъ парень, нисколько не смутившись и не снимая, конечно, шапки.

— Шапку сними, сицилисть,—говоритъ ему полковникъ.

— Зачѣмъ я буду снимать, когда ей на головѣ мѣсто?

— А ну ка, — обращается полковникъ къ унтеръ-офицеру—сними-ка, братъ, съ него шапку.

Шапка летитъ далеко въ сторону; лицо парня становится совсѣмъ глуповатымъ, среди солдатъ слышится дружный смѣхъ.

— Ну, а теперь я съ тобой буду говорить.

— Теперь объясни мнѣ толкомъ, кто ты такой,—снова спрашиваетъ полковникъ.

— Сицилисть,—упорно стоитъ на своемъ эта „круглая сковорода“.

— Какой такой сицилисть,—допрашиваетъ полковникъ, говорю: объясни толкомъ.

— Извѣстно какой, теперь всѣ сицилистами стали, такой и я сицилисть.

— Связать этого господина!—приказываетъ полковникъ, да посадить въ холодный вагонъ, авось поумнѣетъ.

Приказаніе быстро исполнено, и „сицилисть“ водворенъ въ холодный вагонъ.

— Такъ съ этимъ народомъ и надо поступать,—говорятъ, расходясь, солдаты.

— А я бы и еще ему штукъ 50 шемполовъ бы всыпалъ, чтобы чувствительнѣе было,—добавляетъ другой.

— Мерзавцы, только мутятъ, чтобы имъ колъ осинový въ глотку.

Подъ аккорды такихъ пріятныхъ созвучій, парня запираютъ въ вагонъ, въ которомъ онъ и проводитъ въ уединеніи цѣлую ночь, а на слѣдующее утро начинаетъ слезно просить о помилованіи, завѣряя всѣхъ, что никогда не будетъ такимъ дуракомъ, какимъ былъ до сихъ поръ.

Конечно, большинство забастовщиковъ и были именно такими „сицилистами“, какимъ показалъ себя этотъ глуповатый парень, но между интеллигентами попадались люди убѣжденные, вѣрившіе въ правоту своихъ воззрѣній, а главнымъ образомъ и въ то, что если ихъ химеры осуществятся на дѣлѣ, то они съумѣютъ извлечь для

себя личную пользу. Эти интеллигенты были, повидимому, непоколебимо увѣрены, во-первыхъ, въ правотѣ своего дѣла, а во-вторыхъ и въ томъ, что ихъ дѣло вѣрное и уже поставлено на прочномъ основаніи, такъ что разорить воздвигнутое ими зданіе очень нелегко.—Здѣсь, говорили они: на маленькихъ станціяхъ, конечно, наша организація слаба, а вотъ погодите, еще посмотримъ, какъ-то встрѣтитъ васъ Чита, и видимо на такъ называемую „читинскую республику“ они возлагали большія надежды и считали, что тамъ свито не только гнѣздо революціи, но и построена крѣпость этого движенія. По дорогѣ до насъ то и дѣло доходили свѣдѣнія о томъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ недоѣзжая Читы революціонерами занята и хорошо укрѣплена позиція, на которой стоятъ пушки и пулеметы, и что мы должны ожидать подобающей встрѣчи. Кѣмъ-то распространенъ былъ и такой слухъ, что при нашемъ приближеніи намъ навстрѣчу будетъ пущенъ паровозъ, который и произведетъ крушеніе нашего поѣзда. Конечно, никто изъ насъ не относился къ этимъ слухамъ какъ къ чему-то безусловно вѣрному, но въ то же время никто не считалъ все это и за вздоръ, потому что и въ самомъ дѣлѣ — развѣ тутъ было что-нибудь неправдоподобное и почему нельзя было допустить осуществленія всѣхъ этихъ мѣръ со стороны толпы, взвинченной нѣсколькими десятками фанатиковъ, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ готовыхъ „лечь костью“ за свои убѣжденія.

Верстахъ въ 70 отъ Читы нашъ эшелонъ нагналъ поѣздъ, нагруженный вторымъ батальономъ полка, и съ этимъ поѣздомъ слѣдовалъ какъ начальникъ передвигаемой дивизіи со своимъ штабомъ, такъ равно и вновь назначенный забайкальскимъ губернаторомъ генералъ Сычевскій, который тутъ же и рѣшилъ пересѣсть на нашъ поѣздъ, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Читу во главѣ войскъ.

Здѣсь въ первый разъ я познакомился съ этимъ благороднѣйшимъ человѣкомъ и всегда буду благодаренъ судьбѣ за то, что она въ это тяжелое время подчинила меня такому разумному, симпатичному и внушающему къ себѣ полное уваженіе человѣку, какимъ былъ Аркадій Валеріановичъ Сычевскій. Это былъ еще молодой человѣкъ, съ очень пріятной и влекущей къ себѣ внѣшностью, мягкій, деликатный, но въ то же время твердый и мужественный. Грудь генерала была украшена георгіевскимъ крестомъ, который онъ получилъ въ то время, когда, командуя полкомъ, показалъ свою храбрость и доблесть въ періодъ шахейскихъ боевъ. Говорили, что онъ-то и былъ настоящимъ героемъ такъ называемой „Путиловской сопки“, но почему эта сопка названа не его именемъ—про это распространяться не буду, такъ какъ фактъ этотъ, вѣроятно,

уже извѣстенъ большинству участниковъ войны, отъ себя же добавлю, что только въ скромности этого человѣка нужно искать причину этого факта.

Эти послѣднія 60—70 верстъ, помню, мы тоже плелись довольно долго и только лишь поздно вечеромъ 19-го января, когда было уже совершенно темно и былъ страшный морозъ, поѣздъ нашъ подошелъ къ Песчанкѣ,—мѣстности верстахъ въ 8-ми недоѣзжая Читы, гдѣ было построено множество бараконъ для госпиталей, въ которыхъ теперь предполагалось размѣстить два полка прибывающей дивизіи.

Поѣздъ остановился, и люди начали выходить изъ вагоновъ. „Приѣхали въ чортово болото“, говорили солдаты, выходя изъ своихъ теплушекъ и выгружая свой скарбъ.

Часа черезъ два выгрузка была окончена, и генералъ Сычевскій рѣшилъ сейчасъ же, съ этимъ же поѣздомъ и съ одной ротой, ѣхать въ Читу съ тѣмъ, чтобы приступить къ дѣйствию, не теряя ни минуты. О своихъ планахъ и намѣреніяхъ онъ никому изъ насъ не сказалъ, и въ этомъ проглядывала конечно его твердая воля, которая не нуждалась въ трудную минуту ни въ чьихъ совѣтахъ. Очень нерѣдко колеблющійся человѣкъ передъ трудной минутой, требующей отъ него рѣшительности въ дѣствіяхъ,—все же не выдержать и сообщить свой планъ хотя бы даже одному—самому приближенному человѣку, желая въ то же время выслушать его взглядъ на дѣло, но генералъ Сычевскій рѣшалъ самъ и ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ рѣшеніи.

Часовъ въ 11 ночи поѣздъ нашъ, въ которомъ осталась только одна рота стрѣлковъ, отошелъ отъ Песчанки и понесся къ Читѣ, куда и прибылъ очень скоро и безъ всякихъ приключеній.

Мы вышли на площадку вокзала, который былъ погруженъ въ полное безмолвіе и, казалось, что на вокзалѣ не было ни души. Морозъ былъ жесточайшій, и единственный человѣкъ, который встрѣтилъ вновь прибывшаго губернатора, былъ жандармскій унтеръ-офицеръ,—мужчина очень высокаго роста, отъ котораго и узнали, что бывшій губернаторъ помѣщается въ домѣ—тутъ же у вокзала;—вонъ тамъ, на той сторонѣ площади,—указалъ жандармъ на слабо освѣщенные окна губернаторскаго дома.

Верстахъ въ двухъ, дальше за городомъ на другомъ берегу рѣки Читинки, былъ устроенъ другой вокзалъ, откуда несся оглушительный ревъ парового гудка и казалось, что какое-то огромное чудовище реветъ въ морозной ночной мглѣ, какъ бы страдая и тоскуя отъ стужи. Гудокъ ревелъ однообразно, завывая и казалось, не будетъ конца этому дикому и все потрясающему воплю.

— Это они на митингъ собираются, пояснилъ жандармъ; прознали, значитъ, что войско подошло и вотъ сборъ затрубили; тутъ всегда эти митинги по этому гудку собираются и сколько тамъ этого народу,—забастовщиковъ этихъ,—такъ страсть и всѣ съ ружьями; сказываютъ, и пулеметы у нихъ припасены. Такъ поясняя мнѣ жандармъ на мой вопросъ по поводу могучаго рева парового гудка.

На этомъ, такъ называемомъ,—„Дальнемъ вокзалѣ“, гдѣ теперь ревѣлъ гудокъ, и было сосредоточеніе революціонеровъ и забастовщиковъ. Огромныя зданія мастерскихъ они превратили въ крѣпость, забаррикадировавъ окна и двери; свезли туда множество боевыхъ и жизненныхъ припасовъ и рѣшили обороняться въ этой крѣпости на жизнь и на смерть, имѣя въ своемъ распоряженіи до 4.000 вооруженныхъ 3-хъ линейными винтовками бойцовъ и большіе запасы динамита и прочихъ взрывчатыхъ веществъ и оружія.

Такова въ общихъ чертахъ была обстановка. Пламя пожара, не потушенное въ самомъ началѣ, разгорѣлось съ невѣроятной силой и теперь тушить его было не такъ-то легко, и просто, какъ это могло казаться.

Мы пошли къ дому губернатора черезъ пустынную и погруженную во мракъ площадь. Позади насъ, тяжело отбивая шагъ по морозной почвѣ, двигалась рота стрѣлковъ, и въ ночномъ мракѣ казалось, что это двигается не какая-нибудь ничтожная часть, а что идетъ цѣлая громада солдатъ, одѣтыхъ въ неуклюжія и тяжелыя папахи,—идетъ сурово, безмолвно, какъ какая-то грозная сила.

И дѣйствительно эта горсточка людей состояла большею частью изъ закаленныхъ бойцовъ, испытавшихъ на себѣ всѣ тяжести войны отъ самаго ея начала, и въ этомъ отношеніи они дѣйствительно являли собою грозную силу, съ которой можно было пуститься въ опасное предпріятіе и быть увѣреннымъ въ томъ, что эта сила не выдастъ.

Губернатора мы застали въ очень удрученномъ и подавленномъ состояніи. Конечно, все то, что творилось теперь въ районѣ его власти, въ соединеніи съ постигшимъ его, на-дняхъ, семейнымъ горемъ, не могло способствовать бодрому настроенію этого человѣка и послѣ часовой бесѣды съ нимъ у насъ осталось одно только грустное впечатлѣніе той подавленности, которая, само собою, не располагала къ проявленію энергіи въ дѣйствіяхъ.

Узнавъ отъ губернатора, что въ нашемъ распоряженіи есть огромная квартира, въ которой жилъ начальникъ областного штаба, мы и пошли туда, имѣя въ виду въ зданіи штаба расположить

и сопровождавшую насъ роту, люди которой сильно промерзли на ночной стужѣ.

Темнота была непроглядная; улицы этого унылаго города почти не освѣщались, и мы шли, сопровождаемые полицеймейстеромъ, который указывалъ намъ дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомилъ новаго губернатора со всѣмъ тѣмъ, что для него было интересно.

Гудокъ на дальнемъ вокзалѣ по-прежнему продолжалъ ревѣть, и полицеймейстеръ высказалъ предположеніе, что вѣроятно плохо собираются на митингъ, иначе бы, если бы собрались всѣ, то гудокъ замолкъ бы. Пропутешествовавъ по темнымъ улицамъ, мы наконецъ подошли къ зданію областного штаба, представлявшему собою огромный двухъ-этажный, деревянный домъ, въ которомъ, хотя и не особенно свободно, но все же могла размѣститься прибывшая съ нами рота. На дворѣ помѣщался другой домъ—одноэтажный и очень обширный, предназначенный для квартиры начальника штаба, и вотъ сюда-то мы и направились. Это была неуютная и непривѣтливая хоромина, съ огромными комнатами, обитыми темнымъ ситцемъ, благодаря чему свѣтъ внесенныхъ сюда лампъ положительно не распространялся и освѣщаль только небольшую часть пространства, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лампой.

Здѣсь же я, сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ и своего Петрова, котораго я такъ тщетно звалъ на пустынномъ полустанкѣ и который, потерявъ меня самъ, благодаря присущей ему сметкѣ и расторопности, сумѣлъ добраться до Читы и уже виѣдрился именно туда, куда было нужно. Встрѣча эта меня, помню, обрадовала потому, что я уже началъ сильно беспокоиться за участь Петрова; писалъ по пути разнымъ комендантамъ, прося ихъ направлять Петрова, буде такой солдатъ (носъ и ротъ умѣренный и т. д.) объявится на одной изъ станцій, а тутъ оказалось, что самъ Петровъ, съ своимъ умѣреннымъ ртомъ и носомъ, предсталъ предо мною и доложилъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно и это „благополучно“ въ такомъ далеко неблагополучномъ мѣстѣ, хотя и прозвучало какимъ-то диссонансомъ, но въ немъ было что-то отрадное—успокоительное.

Сейчасъ же были приглашены нѣкоторые представители власти въ Читѣ и командиръ полка, не задолго передъ этимъ прибывшій съ полкомъ изъ арміи въ Читу. Еще на дорогѣ мы слышали, что полкъ этотъ представляетъ собою надежную силу, находящуюся въ надежныхъ рукахъ, и дѣйствительно, когда генераль Сычевскій обратился къ командиру полка и спросилъ—ручается ли онъ за свой полкъ, то полковникъ тотчасъ же отвѣтилъ въ утвердительномъ

тонѣ. Этого только и нужно было новому губернатору. Видимо обрадованный этимъ извѣстіемъ, онъ сказалъ, обращаясь къ командиру полка: „въ такомъ случаѣ потрудитесь сейчасъ же привести полкъ съ боевыми патронами, и я самъ поведу его на дальній вокзалъ возстановить порядокъ“.

Но тутъ произошла непріятная заминка. Командиръ полка, видимо не ожидавшій ничего подобнаго, началъ говорить, что хотя полкъ и надежный, но благодаря тому, что въ его составъ въ послѣднее время прибыло много бунтовавшихъ матросовъ, онъ положительно не можетъ ручаться за успѣхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе въ ночное время. Не думаю, конечно, чтобы командиръ полка этимъ какъ бы отказывался отъ предлагаемаго образа дѣйствій. Это былъ боевой человѣкъ, какъ потомъ говорили, человѣкъ, пользовавшійся любовью своихъ солдатъ и авторитетомъ среди своихъ подчиненныхъ, но и дѣйствительно онъ могъ быть поставленъ въ затруднительное положеніе въ виду той важной отвѣтственности, которая невольно приближалась къ нему въ данный моментъ. Эти бунтари-матросы, которыхъ тогда разсовывали по многимъ доблестнымъ полкамъ, честно и по присягѣ несшимъ свою трудную боевую службу въ теченіе войны, дѣйствительно не могли не внести нѣкоторой расшатанности въ дисциплинѣ, и всѣ офицеры перекрестились теперь и вздохнули свободнѣе, когда эта накипь, проникшая въ поры организма арміи, теперь, слава Богу, испарилась, но еще, Богъ знаетъ, быть можетъ и теперь придется немало повозиться съ вопросомъ окончательнаго оздоровленія организма арміи, т. к. гангрена, какъ извѣстно, не всегда проходитъ послѣ того, какъ вырѣзана зараженная часть тѣла.

Въ данномъ случаѣ я нисколько не хочу бросать тѣнь на командира доблестнаго полка, очутившагося въ этомъ отвѣтственномъ положеніи; онъ и долженъ былъ предупредить о томъ, что въ организмъ его полка привита отвратительная гангрена, съ которой такъ или иначе по нужно было считаться, а тѣмъ болѣе при условіи дѣйствій въ ночное время. Страшно даже и подумать, что бы могло произойти, если бы эти ночныя дѣйствія не привели бы къ желательнымъ результатамъ. Срамъ, позоръ, подъемъ духа въ революціонномъ лагерѣ—это все такія бѣды, послѣдствія которыхъ трудно-вато было бы исправить.

Въ виду всего этого было рѣшено отложить дѣйствія до утра, а потому генераль Сичевскій и приказалъ командиру полка привести полкъ къ 9 часамъ утра, намѣреваясь вести его къ вокзалу на штурмъ образовавшагося тамъ „форта Шаброль“. Объ этомъ генераль Сичевскій такъ же донесъ и начальнику прибывшей на

Песчанку дивизіи, который остался съ первымъ эшелономъ на Песчанкѣ, будучи назначенъ на должность вр. генераль-губернатора и командующаго войсками въ Забайкальѣ.

Въ ожиданіи разсвѣта, мы рѣшились немного отдохнуть и, закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, легли спать въ мрачныхъ и пустыхъ „сараяхъ“ квартиры начальника областного штаба. Помню, я долго не могъ уснуть. Воспоминанія о пережитомъ давили мозгъ какимъ-то кошмаромъ. Вотъ такая же темная и холодная ночь ровно годъ тому назадъ была и у деревни Чжантань, у которой полкъ, которымъ я командовалъ, занималъ окопы и лежа въ нихъ перестрѣливался съ невидимымъ врагомъ. Помню, ровно годъ тому назадъ, какъ разъ въ этотъ же часъ было получено приказаніе о томъ, что полкъ, въ числѣ прочихъ частей нашего корпуса, долженъ штурмовать деревню Чжантань-Хенань. Никогда эта лихая и молодецкая атака не изгладится изъ моей памяти, и теперь мнѣ ясно припомнилось, какой неудержимой волной, съ крикомъ „ура“ и безъ выстрѣла, мы стремились къ занятой японцами деревнѣ, какъ падали убитые и раненые, корчась въ мукахъ, а лавина наша грозно катилась и катилась къ деревнѣ. Вотъ-вотъ уже близко. Господи, помоги добѣжать. И мы добѣжали и ворвались въ деревню, оставивъ назади себя нѣсколько сотъ павшихъ съ честью воиновъ. Да, это была поистинѣ суворовская атака, показавшая только то, что если бы мы не оборонялись, а всегда наступали, то, вѣроятно, результаты войны были бы не столь печальны. Вотъ и теперь—черезъ нѣсколько часовъ, намъ предстоитъ такая же атака, но только не Чжантань-Хенани, занятой японцами, а Читинскаго вокзала, построеннаго не на Манчжурской территоріи, а на своей же русской землѣ и занятаго не японскими солдатами, а своими же русскими людьми, у которыхъ бѣсъ затмилъ разумъ, и они обратились во враговъ своего же отечества и вынудили по отношенію себя примѣненіе такихъ мѣръ, какъ сила оружія. Не вѣрилось какъ-то, что все это происходитъ въ дѣйствительности, но это былъ не сонъ, а самая настоящая и при томъ очень печальная дѣйствительность.

Помню, уже передъ самымъ разсвѣтомъ, дремавшему со мною въ комнатѣ Аркадію Валеріановичу принесли телефонограмму изъ Песчанки отъ начальника дивизіи, которой онъ категорически приказывалъ до прибытія генерала Ренненкампа отнюдь никакихъ активныхъ дѣйствій не предпринимать. Чѣмъ было вызвано это распоряженіе, не знаю, но въ данномъ случаѣ приходилось повиноваться, а потому сейчасъ же командиру полка и было послано соотвѣтствующее приказаніе, и мы уснули до наступленія утра.

Съ разсвѣтомъ генераль Сычевскій рѣшилъ прибѣгнуть къ со-

вершено неожиданному и крайне для себя рискованному образу дѣйствій: онъ объявилъ, что если его не пускаютъ дѣйствовать противъ революціонеровъ силою оружія, каковыя дѣйствія онъ считалъ при данныхъ обстоятельствахъ самыми рациональными (глазomѣръ, быстрота и натискъ) и полезными въ моральномъ отношеніи, то онъ попытаетъ теперь воздѣйствовать на этихъ людей силою слова и попробуетъ убѣдить ихъ не допускать кровопролитія.

Для этого онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать на дальній вокзалъ, гдѣ пригласить къ себѣ главарей революціоннаго движенія и поговорить съ ними, дабы склонить ихъ къ повиновенію власти. Рѣшеніе было очень смѣлое, но вполне достойное личности этого выдающагося начальника и человѣка. Ѣдучи въ самое гнѣздо революціонеровъ, онъ конечно рисковалъ, во-первыхъ, быть разстрѣленнымъ еще на дорогѣ, т. к. никто не мѣшалъ этой фанатически настроенной толпѣ, вооруженной современнымъ оружіемъ и даже, какъ говорили, и пулеметами—пустить все это въ ходъ по ѣдущему къ нимъ генералу, а во-вторыхъ, эти господа могли узнать, что къ нимъ пріѣхалъ самъ губернаторъ и арестовать его и, продержавъ его въ видѣ заложника до прибытія генерала Ренненкампа, попытаться затормозить и рѣшительныя дѣйствія этого генерала угрозою казни ихъ узника. Помню, по окончаніи уже всѣхъ бурныхъ событій, приходилось нерѣдко слышать разговоры про то, что гг. революціонеры сильно сожалѣли о томъ, что не арестовали губернатора, когда это такъ легко было сдѣлать. Не знаю—чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объяснить подобное упущеніе съ ихъ стороны, но думаю, что формула: „Никто, какъ Богъ“ есть единственное объясненіе этого счастливаго для Аркадія Валеріановича и всѣхъ насъ, бывшихъ съ нимъ, исхода. Все это могло случиться, но рѣшеніе генерала Сычевскаго было неизмѣнно. Сравнивая какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще въ продолженіе всей послѣдующей дѣятельности этого генерала на посту военнаго губернатора, его образъ дѣйствій съ образомъ дѣйствій, обыкновенно практикуемымъ, невольно приходится воздать должное той рѣшительности и быстротѣ, каковыя всегда проходили красной нитью въ дѣятельности этого человѣка. Скажу кратко: генералъ Сычевскій не имѣлъ обыкновенія садиться за письменный столъ тогда, когда обстоятельства дѣла требовали его личнаго присутствія тамъ, гдѣ это присутствіе было неминуемо сопряжено съ опасностью его жизни. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко генералъ Сычевскій летѣлъ къ мѣсту происшествія даже безъ конвоя, а просто садился на перваго попавшагося ему извозчика и мчался въ даль, а конвой уже потомъ карьеромъ догонялъ его, при чемъ нерѣдко заставлялъ уже его въ самомъ центрѣ безпорядка.

Такъ и теперь генераль рѣшилъ ѣхать, и ровно въ 9-ть часовъ утра пара сытыхъ штабныхъ лошадей понесла насъ по ровному снѣжному полю по направленію къ вокзалу. Позади насъ ѣхали жандармскій ротмистръ Б., полицеймейстеръ П. и адъютантъ губернатора, поручикъ Р., вмѣстѣ съ нимъ прибывшій въ Читу. Нашъ кортежъ замыкали 10 молодцовъ конныхъ охотниковъ, лихо скакавшихъ на своихъ маленькихъ маньчжурскихъ лошадакахъ и едва поспѣвавшихъ за нами, потому что штабный кучеръ Алексѣй, какъ потомъ оказалось, не имѣлъ привычки ѣздить тихо, и всегда, сѣвъ на облучекъ какъ-то немного бокомъ „для крѣпости“, какъ онъ говорилъ, онъ подхватывалъ вожжи и пускалъ лошадей полнымъ ходомъ, не очень приноравливаясь при этомъ къ качествамъ дороги. Такъ было и теперь: коренникъ чесалъ полной иноходью, а сытая и красивая пристяжная, свившись въ кольцо, махала за коренникомъ полнымъ галопомъ. Вздываемый копытами снѣгъ хлесталъ намъ въ лицо, и мы съ необычайной быстротой неслись по направленію къ вокзалу. Вотъ уже ясно видны громадныя постройки депо и мастерскихъ, окруженные со всѣхъ сторонъ разнохарактерными каменными и деревянными домами и домиками. А что, если вотъ-вотъ сейчасъ изъ-за какого-нибудь закрытія вдругъ загрохочетъ канонада, или заговорятъ пулеметы—подобно тому, какъ это было годъ тому назадъ при штурмѣ Чжантань-Хенани, невольно вертѣлась навязчивая мысль: „вѣдь тогда немного отъ всѣхъ насъ останется, и всѣ мы, конечно, не исключая нашихъ лошадей и молодца Алексѣя, будемъ исключены изъ числа обитателей нашей планеты. Алексѣй, видимо, объ этомъ не помышлялъ, онъ по-прежнему лихо сидѣлъ на облучкѣ и по справедливости „раздавалъ награды“ при помощи кнута своимъ четвероногимъ подчиненнымъ, подбадривая ихъ, если это по его мнѣнію было нужно къ болѣе рачительному исполненію ихъ обязанностей—тѣмъ же инструментомъ.

Все ближе и ближе до вокзала, и почему-то вдругъ начинаешь вѣрить въ то, что никакой стрѣльбы не будетъ и даже и быть не можетъ, вѣдь тамъ въ самомъ дѣлѣ не японцы, а свои же русскіе люди, съ которыми случилось какое-то дикое недоразумѣніе и которые всегда готовы раскаяться въ своихъ поступкахъ для того, чтобы снова стать такими же русскими гражданами, какими они были до того времени, пока не смутилъ ихъ чортъ. Вотъ уже и первыя постройки вокзальной слободы, небольшіе чистенькіе, деревянные домики смотрятъ ласково и привѣтливо и какъ-будто бы говорятъ намъ: добро пожаловать, добрые люди,—мы всегда рады васъ видѣть. Мы поѣхали по длиннымъ улицамъ предмѣстья; ничто

не напоминало здѣсь тревожнаго времени; видимо, жизнь текла своимъ чередомъ, и мнѣ почему-то невольно вспомнилось мѣсто изъ „Разгрома“ Золя; когда передъ началомъ сраженія подъ Седаномъ на поле выѣхалъ какой-то пахарь и началъ преспокойно дѣлать свое мирное дѣло, руководствуясь той истиной, что громъ пушекъ не имѣетъ ничего общаго съ ростомъ пшеницы. Здѣсь было то же. Революціонеры распинались въ разрѣшеніи какихъ-то неразрѣшимыхъ вопросовъ и готовились даже пролить кровь за свои убѣжденія, а жизнь текла своимъ чередомъ. Также, какъ и всегда, по улицамъ предмѣстья ходили стаи голубей, такъ спокойно слетая съ дороги и тогда только, когда переднія ноги нашихъ скакуновъ едва не касались ихъ; стаи воробьевъ, подбирая всякій соръ, весело щебетали; бродили собаки, апатично посматривавшія на нашу скачущую кавалькаду и какъ бы раздумывая—лаять, молъ, на нихъ, или оставить въ покоѣ этихъ сумасшедшихъ, такъ бѣшено несущихся по улицѣ, и такъ какъ большинство изъ этихъ симпатичныхъ четвероногихъ тварей обладали, вѣроятно, философскимъ складомъ мышленія, то онѣ молча сторонились отъ насъ, при чемъ на ихъ мордахъ была написана приблизительно такая мысль: чего же тутъ лаять, все равно этихъ дьяволовъ лаемъ не остановишь. Но были между ними и не очень глубокіе философы, а самыя заурядныя твари; эти съ ожесточеніемъ старались забѣжать впередъ нашихъ лошадей и остановить ихъ угрозою ухватить за морды, при чемъ эти угрозы конечно сопровождались ожесточеннымъ лаемъ; но и эти, видя полную безуспѣшность своего порыва, отбѣгали къ своимъ умнымъ товарищамъ, какъ бы спрашивая съ ихъ стороны одобренія своему легкомыслію, но фізіономіи „философовъ“ оставались по-прежнему мрачны, изъ чего и можно было заключить о ихъ неподкупности въ смыслѣ всякаго легкомысленнаго образа дѣйствій.

Такъ же, какъ и всегда, были открыты разныя мелочныя лавчонки, обладатели которыхъ—„собиратели дани“ съ покупателей, надувая ихъ вѣроятно по издревле заведенному обычаю. Въ окнѣ одного изъ домовъ я мелькомъ замѣтилъ самоваръ, вскругъ котораго сидѣли какіе-то люди и вѣроятно „баловались чайкомъ“,—такъ же по заведенному обычаю. Все было мирно и невольно навязывался вопросъ:—гдѣ же собственно эта самая революція, про которую было такъ много самыхъ разнообразныхъ толковъ.

Вскорѣ однако мы миновали эту мирную улицу предмѣстья и, обогнувъ большую площадь, заставленную вагонными и паровозными колесами, въѣхали въ районъ расположенія вокзальныхъ построекъ. Здѣсь картина хотя и измѣнилась нѣсколько, но все же она носила болѣе мирный, нежели возбужденный характеръ, и если бы

не какіе-то вооруженные люди, бродящіе по улицѣ и мрачно, съ сознаниемъ своего достоинства провожающіе насъ глазами, то и здѣсь, говорю, можно было бы совершенно забыть про все то, чѣмъ была переполнена душа. Вотъ навстрѣчу бредеть невѣрными и заплетаются шагами какой-то подгулявшій обыватель и самъ съ собою разговариваетъ на какую-то, только для него понятную, тему, нисколько не обращая на насъ вниманія. Вотъ изъ одной изъ лавчонокъ „честью попросили“ другого такого же обывателя, и этотъ, съ глупымъ выраженіемъ на пьяной фізіономіи, начинаетъ поднимать свалившуюся съ косматой головы шапку, посылая „добрыя пожеланія“ хозяину лавки за ласку и привѣтъ. Только, говорю, эти вооруженные субъекты и наводили уныніе, заставляя вспоминать про то, что мы теперь попали на бочку съ порохомъ, въ которую стоять только бросить ничтожный тлѣющій уголекъ для того, чтобы произошелъ страшный взрывъ, разметывающій въ клочья все то, что находится на линіяхъ сопротивленія.

Вглядываясь въ лица этихъ вооруженныхъ людей, я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе, которое, быть можетъ, было и ошибочнымъ. Мнѣ казалось, что всѣ эти люди, таскающіе неумѣло на своихъ плечахъ тяжелыя солдатскія винтовки со штыками, хотя и старались придать своимъ фізіономіямъ строгій и внушительный видъ, хотя и измѣряли насъ, проѣзжающихъ мимо нихъ, якобы непривѣтливymi и озлобленными взорами, но почему-то я видѣлъ въ нихъ дѣтей, затѣявшихъ игру въ „казаки-разбойники“. Дѣти такъ же бываютъ необыкновенно важны, когда, вооружившись деревянными ружьями и саблями, начинаютъ изображать собою казаковъ или разбойниковъ, и я думаю, что если бы дать имъ возможность разыграть игру между тѣми и другими до конца, то они такъ вошли бы въ свои роли, что и въ самомъ дѣлѣ, считая себя молодцами-казаками и лихачами-разбойниками, начали бы квасить другъ другу носы и украшать фізіономіи радужными подтеками, въ просторѣчїи именуемыми „фонарями“. Если старшіе не желаютъ такого дикаго финала этой занятой забавы, то, конечно, они должны заблаговременно принять мѣры къ предотвращенію столкновенія воюющихъ сторонъ, иначе и дѣти временно превратятся въ злыхъ и задорныхъ звѣрковъ, жаждущихъ пролитія крови.

Такъ и теперь: въ этихъ бородатыхъ и совсѣмъ юныхъ людяхъ, вооруженныхъ винтовками, чувствовалось что-то наивное—дѣтское, и казалось, что они очень заняты той игрой, въ которую имъ позволили поиграть, но что они сейчасъ же послушаютъ строгаго окрика рачительнаго педагога, который, благоразумія ради, не захочетъ допустить ихъ до свалки, дабы они не понаставили бы себѣ

фонарей подъ глазами. Всѣ эти люди по умственному своему складу очевидно нисколько не стояли выше того глуповатаго парня, который на одной изъ станцій гордо именовалъ себя „сицилистомъ“, но, будучи посаженъ въ холодный вагонъ, быстро рѣшилъ отречься отъ этого, какъ казалось ему прежде, почетнаго званія. Эти люди были страшны только потому, что они были не умны и ихъ очень легко было подбить на что угодно, и я думаю, стоило только одному изъ нихъ крикнуть: „бей ихъ—чаво смотришь“, какъ всѣ они начали бы палить изъ своихъ винтовокъ не потому, что они были до безконечности злы, а только потому, что этотъ окрикъ разрѣшилъ имъ начать ту игру, къ которой они готовились съ дѣтскимъ пыломъ. Точно такъ же, если бы своевременно ктонибудь примѣнилъ бы по отношенію ихъ крутыя мѣры и сказалъ бы: „шабашъ“—а главарей и зачинщиковъ наказалъ бы за ихъ шалости, то эта „игра“ прекратилась бы очень скоро. Не всѣ, конечно, между этими людьми были таковы,—нѣтъ, здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, были и убѣжденные фанатики, но ихъ было значительное меньшинство, большею же частью всѣ эти люди были только „сицилисты“, подобные выше описанному глуповатому парню. И я убѣжденъ, что если бы въ самомъ началѣ этого пресловутаго движенія, нашелся бы такой человекъ, который строго прикрикнулъ бы на смутьяновъ, то былъ бы и смуть конецъ, но къ сожалѣнію такого человека не нашлось тогда, когда именно онъ былъ нуженъ.

Сопровождаемые этими непривѣтливymi взглядами „бородатыхъ дѣтей“ и барано-подобныхъ юношей, увлеченныхъ правомъ тасканія на плечахъ солдатскихъ винтовокъ (хорошо бы было, если бы къ этимъ господамъ можно было бы примѣнить солдатскую муштру, въ полномъ и строжайшемъ значеніи этого слова,—это отбило бы у многихъ охоту играть въ солдатики), мы подѣхали къ какой-то конторѣ и, войдя въ комнату, застали въ ней господина, который сидѣлъ за письменномъ столомъ и былъ занятъ бумагами.

И здѣсь, подумалъ я, жизнь идетъ по-прежнему, и люди продолжаютъ скрипеть перьями и читать разныя входящія и исходящія.

Вѣжливо поздоровавшись съ нами, господинъ, который былъ, если не ошибаюсь, какимъ-то главнымъ чиновникомъ въ этой желѣзнодорожной конторѣ, освѣдомился о цѣли нашего приѣзда и, узнавъ, что генералъ Сычевскій желаетъ видѣть и говорить съ вожаками революціоннаго движенія—тутъ же назвалъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ и сказалъ, что онъ сейчасъ пригласитъ ихъ сюда. Сказавъ это, онъ вышелъ въ прихожую, но, черезъ минуту вернувшись, съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ, сказалъ: „а они и сами уже пришли и всѣ вооруженные—ихъ тамъ человекъ 10“.

— Вы позволите мнѣ на время занять вашъ кабинетъ?—спросилъ ген. Сычевскій у чиновника и, получивъ вѣжливое разрѣшеніе, снялъ съ себя шашку и, поставивъ ее въ уголъ, попросилъ и насъ всѣхъ сдѣлать то же и пройти въ сосѣдную комнату, дабы оставить его одного для переговоровъ.

Когда мы начали снимать шашки, то въ комнату входили уже вооруженные люди, которые, увидѣвъ, что генераль, снявъ оружіе, ставитъ его въ уголъ комнаты, какъ-бы устыдились, и посовѣщавшись, вышли въ прихожую и, оставивъ тамъ свои винтовки, снова вернулись къ комнате, мы же всѣ, за исключеніемъ генерала, вышли въ сосѣднее помѣщеніе, въ которомъ занимались чиновники, встрѣтившіе насъ очень удивленными вопросительными взглядами.

Какъ потомъ рассказывалъ генераль Сычевскій, между всѣми этими представителями революціонеровъ только и былъ одинъ человекъ, повидимому, довольно образованный и начитанный; кажется, это былъ студентъ какого-то университета, который собственно и велъ переговоры, остальные были здѣсь въ качествѣ статистовъ. Это были люди почти безъ всякаго образованія и, судя по тѣмъ репликамъ, которыя они только временами вставляли въ разговоръ, можно было заключить, что и умственный горизонтъ этихъ людей былъ далеко неширокъ и эти „сицилисты“ были нечто иное, какъ глуповатые субъекты, напичканные высокопарными фразами о равенствѣ, свободѣ и прочихъ глубокихъ понятіяхъ, которыя при современномъ скотоподобномъ состояніи нравственнаго уровня человѣческихъ обществъ производятъ впечатлѣнія какой-то небесной симфоніи, разыгрываемой въ свиномъ хлѣву.

Велерѣчивый и пропитанный до мозга костей идеями самаго крайняго анархизма, студентъ и былъ главнымъ вожакомъ революціоннаго движенія и видимо пользовался большимъ вліяніемъ на подчиненное ему стадо полуграмотныхъ барановъ, и если онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ этихъ барановъ въ репликахъ своихъ начинаетъ пороть дичь, то безцеремонно осаживалъ говорящаго и тотъ сейчасъ же умолкалъ, какъ бы сознавая, что онъ и впрямь пореть дичь.

На предложеніе положить оружіе—студентъ отвѣтилъ категоричнымъ отказомъ и при этомъ выразилъ даже полную увѣренность, что пришедшая въ Читѣ дивизія черезъ недѣлю вся будетъ на ихъ сторонѣ. Сумазбродное и дикое это предположеніе, говорящее въ пользу пылкой фантазіи студента, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту степень увѣренности въ своихъ силахъ, каковая была въ то время у людей этого лагеря. Такъ или иначе, но только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ генераль Сычевскій старался убѣдить своихъ

слушателей въ полной бесполезности ихъ сопротивленія, которое, вѣтъ всякаго сомнѣнія, поведетъ только къ кровопролитію, и хотя вожакъ этихъ представителей и увѣрялъ генерала, что имъ это кровопролитіе не страшно, что ихъ трудъ будетъ вознагражденъ даже и тогда, когда во время этого кровопролитія будетъ пролита кровь хотя нѣсколькихъ человѣкъ изъ лагеря бюрократіи, но я думаю, что остальные слушатели не были настроены столь фанатично и конечно они тогда же, такъ сказать, чутьемъ поняли то, что имъ дается совѣтъ такимъ человѣкомъ, который хочетъ предохранить ихъ отъ бѣды и ради этого и говоритъ съ ними и, понявъ эту нетрудную для усвоенія мысль, они тогда же рѣшили послушаться этого совѣта и не доводить дѣла до крови.

Какъ потомъ говорили, послѣ этого совѣщанія революціонеры почти перестали ходить на митинги и, сколько ни вопилъ несносный паровой гудокъ, но въ залахъ мастерскихъ уже собирались не тысячи, какъ прежде, а десятки; многіе въ этотъ же день побросали выданное имъ оружіе, понявъ, вѣроятно, что дальнѣйшая игра въ казаки-разбойники до добра не доведетъ—и она бы конечно не довела бы до добра, но не тѣхъ, которые учили это стадо правиламъ этой игры и которые скрылись бы при первой же опасности, а само же стадо, которое было бы разстрѣляно только потому, что оно было глупымъ и довѣрчивымъ стадомъ, не могущимъ разобраться въ своихъ поступкахъ. Заслуга генерала Сычевскаго въ данномъ случаѣ и важна тѣмъ, что онъ избавилъ не одну тысячу неумныхъ людей отъ преждевременной смерти и пресѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ разгорающееся зло.

Между тѣмъ во время этихъ длительныхъ переговоровъ, для насъ, не принимавшихъ въ нихъ никакого участія, время тянулось необычайно медленно. Не вступая ни въ какіе разговоры съ сидящими въ комнатѣ чиновниками, которые, будучи заинтересованы этимъ необычнымъ и неожиданнымъ для нихъ событіемъ—то и дѣло вскакивали съ своихъ мѣстъ и выбѣгали изъ комнаты для какихъ-то, какъ мнѣ казалось, важныхъ и экстренныхъ дѣлъ, о чемъ и можно было заключить по той поспѣшности, съ которой они это дѣлали, мы слонялись по комнатѣ, старались вести другъ съ другомъ разговоры на совершенно не относящіяся къ событіямъ темы, сидѣли, курили и наконецъ подходили къ окнамъ, дабы посмотреть, что дѣлается на улицѣ, съ которой до насъ временами доносился шумъ какъ бы отъ говора большой толпы народа. И вотъ, помню, приблизительно черезъ часъ послѣ начала переговоровъ, посмотрѣвъ въ окно, я замѣтилъ большую толпу вооруженныхъ людей, запрудившихъ улицу напротивъ дома, въ которомъ мы

были. Большинство этихъ людей были уже довольно пожилые, но между ними попадались и 15-ти лѣтніе подростки, и эти были въ особенности необычайно дѣловиты; держа въ рукахъ винтовки со штыками, они опирались на нихъ и съ необычайно важнымъ и сосредоченнымъ видомъ старались прислушиваться къ разговорамъ старшихъ; эти же послѣдніе, какъ-бы о чемъ-то совѣщаясь, поглядывали на занимаемый нами домъ, при чемъ, по выраженію ихъ лицъ можно было заключить, что они обсуждаютъ какой-то важный вопросъ, къ которому относятся очень строго и серьезно. Наши конные охотники молча стояли у воротъ дома, держа въ поводу своихъ лошадей; къ нимъ также подходили эти вооруженные люди и, какъ-бы стараясь склонить ихъ на какое-то дѣло, вступали съ ними въ разговоры, но видимо не находя сочувствія къ себѣ со стороны солдатъ, отходили отъ нихъ, съ выраженіемъ презрѣнія и злобы на своихъ лицахъ.

Вскорѣ въ комнату вошелъ жандармскій унт.-офицеръ и, шепча на ухо ротмистру, сообщилъ, что пришедшіе люди собрались сюда за тѣмъ, чтобы насъ арестовать, и настроеніе между ними очень бурное. Ничего тутъ нельзя было сдѣлать, приходилось только ожидать, чѣмъ, окончатся ихъ переговоры, и быть готовыми на всякое рѣшеніе съ ихъ стороны. Снова почему-то мнѣ припомнилось съ необычайной ясностью то, что было въ этотъ же день и въ это же время въ прошломъ году; я вспомнилъ, какъ, по окончаніи штурма Чжантань-Хенани, мы заняли оврагъ, и какъ въ теченіе цѣлаго дня непріятель держалъ насъ подъ страшнымъ огнемъ, не давая возможности выйти изъ-за закрытъя. То же былъ въ своемъ родѣ арестъ, подъ страхомъ смертной казни за желаніе получить свободу въ дѣйствіяхъ.—Здѣсь тоже собираются насъ арестовать, но свои же русскіе люди, и они, подобно японцамъ, видимо не расположены шутить съ нами, а готовы использовать силу своего оружія, если мы вздумаемъ оказать протестъ ихъ замысламъ—и тяжело стало на душѣ отъ сознанія своего безсилія направить дѣло въ свою пользу; но, что дѣлать,—приходилось только ждать событій, подчинивъ пока себя ихъ нормальному теченію. Такое непріятное и выжидательное положеніе длилось съ полчаса, и, наконецъ, мы замѣтили, что толпа начинаетъ мало-по-малу расходиться, вскорѣ она и совсѣмъ разошлась, а у всѣхъ у насъ отлегло отъ сердца и вновь появилась надежда на то, что намъ явится возможность благополучно выбраться изъ этого „Тушинскаго становища“.

Но не прошло и полчаса, какъ снова начала собираться толпа, снова начался галдежъ, снова эти сердитыя фізіономіи—упорныя и видимо готовыя привести свое намѣреніе въ исполненіе. Опять по-

явился жандармъ и такимъ же таинственнымъ шопотомъ доложилъ о томъ, что событія принимаютъ оборотъ далеко не въ нашу пользу. Снова—томительное ожиданіе развязки событій и непоказываніе своего волненія окружающимъ. Но и на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ; толпа, пошумѣвъ и погалдѣвъ около дома, начала расходиться, и на улицѣ осталось только нѣсколько вооруженныхъ людей.

Наконецъ переговоры кончились; мы одѣваемся, выходимъ на улицу, проходимъ мимо оставшихся на ней вооруженныхъ людей, которые смотрятъ на насъ со злобой.

Снова ожиданіе, что вотъ-вотъ кто-нибудь крикнетъ:—держи ихъ!—бей!—и т. д., но и этого не происходитъ, и мы несемся по тѣмъ же улицамъ слободы, но только въ обратную сторону.

Генераль Сычевскій радъ и доволенъ; повидимому, онъ чувствуетъ, что взятая имъ на себя миссія, столь рискованная и опасная, выполнена имъ, и хотя революціонеры и не высказали ему окончательно о своемъ намѣреніи положить оружіе, но они были сильно поколеблены его основательными доводами, и онъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что когда послѣдуетъ приказаніе о выдачѣ оружія, то оно будетъ выдано. И дѣйствительно такъ и было на самомъ дѣлѣ; и черезъ два-три дня мы снова были на вокзалѣ и на этотъ разъ уже расхаживали по мастерскимъ среди залъ, въ которыхъ такъ недавно собирались тысячи вооруженныхъ людей и раздавались рѣчи ораторовъ, старавшихся заставить этихъ людей прибѣгнуть къ силѣ выданнаго имъ на руки оружія. Огромные запасы этого оружія были найдены въ запечатанныхъ вагонахъ; тутъ же были и патроны, а также и сильно взрывчатые вещества, всего этого, а также и жизненныхъ припасовъ было заготовлено въ изобиліи, и по всему было видно, что у тѣхъ людей, которые это дѣлали, было намѣреніе упорно отстаивать свои убѣжденія, но это упорство было сломлено рѣшительностью одного человѣка, который сумѣлъ сломить его безъ кровопролитія и крайнихъ мѣръ, и тѣмъ сохранилъ тысячи жизней такихъ людей, которые, хотя и именовали себя „сицилистами“, но въ то же время не отличали правой руки отъ лѣвой.

Л. Н. Бѣльковичъ.

